

АНАЛИТИЧЕСКИЙ ДОКЛАД

Диагноз закрытой системы

Почему цифровая изоляция России — не проблема интернета, а проблема управления

Что происходит, когда решения о будущем страны принимают люди, которые этим будущим не пользуются — и почему именно средний класс платит за это самую высокую цену.

Проект «Свободный Интернет»

Независимое исследование на открытых данных

Версия 1.0 · Апрель 2026

РЕЗЮМЕ

Основной тезис

Блокировки интернета в России — это не болезнь, а симптом. Настоящая болезнь в том, что ключевые решения о цифровой экономике страны принимаются без публичного контроля, без экономической экспертизы и без участия тех, кто этой экономикой пользуется ежедневно. Блокировки — лишь самое заметное проявление более глубокой проблемы: системной закрытости процесса принятия решений о будущем, цена которой измеряется уже не миллиардами рублей, а миллионами уехавших людей.

Четыре взаимосвязанных слоя проблемы

- **Слой 1. Блокировки.** 83,7 млрд рублей до 2030 года на инфраструктуру ограничений; 469 заблокированных VPN-сервисов к февралю 2026; 80% замедление WhatsApp к концу 2025; замедление Telegram с 10 февраля 2026; полная блокировка WhatsApp с 11 февраля 2026. Процедура принятия решений о блокировке — ведомственная, без слушаний, без оценки экономического ущерба.
- **Слой 2. Коррупционная развилка VPN.** Параллельно государственные органы закупили VPN-подключения на 17,3 млрд рублей за 2024 год (рост +683% за два года, 1461 тендер). Одна часть государства блокирует — другая часть официально покупает средства обхода для своего аппарата.
- **Слой 3. Технологическое отставание.** Федеральный бюджет на ИИ в России — около \$52 млн в 2024 году. Частные инвестиции в ИИ в США — \$285,9 млрд в 2025. Разрыв в 5 500 раз. Отказ государства финансировать суверенный дата-центр по совместной заявке Сбера и Яндекса (400–450 млрд рублей). Приоритет — не развитие, а контроль.
- **Слой 4. Эмиграция среднего класса.** От 100 до 344 тысяч ИТ-специалистов покинули страну в 2022–2023 годах, из них возвращается менее 10%. Чистая миграционная убыль за 2024 год — 178 тысяч человек. Уезжают не «несогласные», а квалифицированные, с высшим образованием (80% против среднероссийских 27%), предприниматели и профессионалы — те, кто обычно составляет базу экономического роста.

Почему это касается среднего класса напрямую

Предприниматель, потерявший бизнес в Instagram после его блокировки. Инженер, который платит за VPN и получает предупреждение Минцифры о возможном отключении иностранных сервисов. Врач, который не может открыть статью в

зарубежном журнале. Фрилансер, которому Google AdSense перестал переводить деньги с декабря 2023-го. Родитель, не понимающий, что изучит его ребёнок через пять лет, когда иностранные обучающие платформы будут недоступны по умолчанию. Это не метафоры — это ежедневная экономика миллионов людей, чью жизнь определяют решения кабинетов, куда у них нет доступа.

Средний класс платит дважды. Первый раз — как налогоплательщик, финансируя инфраструктуру, которая делает его собственную работу сложнее. Второй раз — как пользователь, покупая VPN, теряя заказы, мигрируя с платформы на платформу, нанимая провайдеров за рубежом, наконец — уезжая сам. И третьего раза — как собственника политических прав — у него нет, потому что механизма участия в решениях о цифровой экономике просто не существует.

Что предлагает доклад

Перейти от требования «отмените блокировки» (тактическое, легко игнорируемое) к институциональному требованию трёх реформ, каждая из которых имеет прецеденты в демократических странах:

1. **Парламентский контроль над блокировками.** Любое решение об ограничении доступа к ресурсу с аудиторией от 100 000 российских пользователей — через обязательные слушания в Госдуме с экономической экспертизой и правом оспаривания.
2. **Публичный аудит расходов на цифровую инфраструктуру.** Счётная палата и независимые эксперты получают доступ к контрактам ТСПУ и структуре госзакупок VPN; конфликт интересов «блокируем и покупаем» подлежит расследованию.
3. **Открытая стратегия цифрового развития.** Приоритеты финансирования (ИИ, инфраструктура, ограничения) определяются через публичную процедуру с участием индустрии, университетов и граждан. Модель — британская система петиций petition.parliament.uk, эстонская платформа [Rahvaalgatus.ee](https://rahvaalgatus.ee) и тайваньский процесс [vTaiwan](https://vTaiwan.org).

Это не оппозиционная повестка. Это требование исполнения того, что формально уже предусмотрено Конституцией: публичного контроля над исполнительной властью, экспертизы государственных трат и участия граждан в решениях, которые меняют их жизнь.

Введение. Почему это касается именно вас

Этот доклад написан не для активистов, не для оппозиции и не для западной аудитории. Он написан для людей, которые строят карьеру, ведут бизнес, воспитывают детей и думают о том, чтобы остаться — или уехать. Именно этим людям предстоит платить за решения, которые принимаются без их участия, и именно им важно понимать механику происходящего, а не только его видимые проявления.

Пять личных сюжетов, за которыми стоит одна проблема

Предприниматель в Instagram. До марта 2022 года в Instagram у российских предпринимателей была аудитория около 80 миллионов человек. Через экосистему Meta шёл малый бизнес — от мастеров маникюра до студий дизайна. YCLIENTS фиксировала 31 000 компаний-клиентов, работавших через соцсети Meta как основной канал записи. После блокировки эта инфраструктура превратилась в нерабочую за одну ночь. Никаких слушаний, никакой оценки ущерба для бизнеса, никакого компенсационного механизма.

Блогер и фрилансер. Отключение Google AdSense в декабре 2023 года лишило российских авторов основного источника монетизации. Участники рынка оценивают потери примерно в 20 миллиардов рублей в год. Это доходы людей, которые платили налоги, создавали рабочие места, инвестировали в съёмочное оборудование. Замедление YouTube с августа 2024 года довершило процесс: DAU упал с 55,7 до 21 миллиона, среднее время в приложении — с 49 до 17 минут в сутки.

ИТ-специалист, который остался. Он платит за VPN, потому что половина его работы — это чтение документации, GitHub-репозитория, Stack Overflow. OpenAI с 9 июля 2024 года принудительно блокирует API-трафик из России. Anthropic не поддерживает российский регион и с сентября 2025-го расширил запрет на компании с большинством российских собственников. Google Gemini недоступен по санкционным причинам. Получается парадокс: государство блокирует западные сервисы изнутри, а те же сервисы блокируют Россию снаружи — разработчик зажат между двумя стенами.

Родитель. С 1 марта 2023 года закон запрещает школам использовать мессенджеры иностранных юриций — WhatsApp, Zoom, Google Meet. «Сферум» на базе VK установлен как стандарт, его использует более 30 миллионов человек. Родитель не выбирал эту платформу, не участвовал в обсуждении её преимуществ и недостатков

— решение было принято и объявлено. Возможности отказаться нет: ребёнок учится именно там, где сказано учиться.

Музыкант и клубный диджей. Beatport — главный мировой магазин электронной музыки — стал ощутимо менее доступен из России: оплаты через российские карты не проходят, часть сервисов работает нестабильно. Это не политический сайт и не «нежелательная организация». Это рабочий инструмент для десятков тысяч людей в индустрии. Когда ограничения касаются нотного магазина для диджеев, становится понятно, что система не различает «политически опасное» и «просто доступное из-за рубежа» — она просто расширяется.

Общий знаменатель

Все пять сюжетов объединяет одна черта: ни в одном из них решение, которое изменило жизнь человека, не проходило через механизм, где этот человек мог бы высказаться. Нет публичного обсуждения. Нет экспертизы экономических последствий. Нет права оспорить. Нет процедуры компенсации. Есть только факт — и необходимость к нему адаптироваться.

Это и есть суть проблемы, которую мы разбираем в докладе. Блокировки — только верхушка. Под ними — принципиально закрытая система принятия решений о будущем страны, в которой средний класс присутствует как объект регулирования, но не как субъект влияния.

Когда решения принимаются без вас, вы становитесь не гражданином, а издержкой. И у вас остаётся ровно один способ выразить несогласие — уехать. Именно это происходит последние четыре года.

Структура доклада

Документ состоит из пяти частей, каждая из которых отвечает на один конкретный вопрос.

- **Часть I.** Как устроена закрытая система принятия решений и почему блокировки — её симптом, а не цель.
- **Часть II.** Эмиграция среднего класса как структурное следствие закрытости: масштабы, портрет уехавших, потери экономики.
- **Часть III.** Как устроены механизмы публичного участия в демократических странах: Великобритания, Эстония, Тайвань.

- **Часть IV.** Три конкретных требования реформы — с юридической проработкой и оценкой выполнимости.
- **Часть V.** Что может сделать читатель уже сегодня — независимо от того, решил он остаться или уехать.

Доклад опирается исключительно на открытые источники: отчёты Росстата, Минцифры, Счётной палаты, публикации «Коммерсанта», РБК, Forbes, Forbes Education, TAdviser, опросы Левада-Центра и ВЦИОМ, данные Mediascope, Stanford AI Index 2025 и 2026, методологию NetBlocks / Top10VPN. Полный список в разделе «Источники».

Часть I. Диагноз закрытой системы

Когда мы говорим «блокировки», мы обычно имеем в виду раздражающие видимые проявления: не открылся Instagram, затормозил YouTube, перестал грузиться рабочий файл. Но блокировки — это только поверхность. Под ней находится закрытая система принятия решений, у которой есть четыре уровня. Каждый из них по отдельности можно было бы оправдать частным соображением безопасности, финансов или технологического суверенитета. Вместе они складываются в конструкцию, при которой ключевые решения о цифровой экономике страны принимаются без публичного контроля — и это, а не блокировки сами по себе, и есть настоящая проблема.

1.1. Блокировки как симптом: процедура важнее результата

Федеральный закон № 90-ФЗ от 1 мая 2019 года — известный как «закон о суверенном Рунете» — обязал всех операторов связи установить на свои сети специальное оборудование Роскомнадзора: технические средства противодействия угрозам, ТСПУ. К концу 2023 года глава РКН отчитался о 100% покрытии узлов связи — более 6 000 устройств. Формально каждая блокировка проходит через судебное или ведомственное решение. Фактически процедура устроена так, что оспорить блокировку почти невозможно: владелец ресурса часто узнаёт о ней постфактум, пользователи — ещё позже, экономическая экспертиза не является обязательным этапом.

Хронология февраля 2026 года демонстрирует режим работы системы. 10 февраля Роскомнадзор официально начал замедление Telegram — скорость передачи медиафайлов упала до уровня модема 128 Кбит/с. 11 февраля полная блокировка WhatsApp: домены удалены из национальной системы доменных имён. На апрель 2026 года СМИ сообщают о планах полной блокировки Telegram (официально не подтверждено). К этому моменту в России заблокированы Signal, Viber, Discord, WhatsApp, Briar, Session, SimpleX Chat, Verum, FaceTime, Snapchat и около 90% функций Zangi. Список блокируемых VPN-сервисов вырос со 167 в октябре 2023 до 469 к февралю 2026 года.

Ключевая характеристика системы — её саморасширение. Список блокируемых ресурсов растёт не по причине системного анализа угроз, а по логике административного расширения полномочий. С 1 марта 2026 года расширилась внесудебная блокировка: теперь без суда можно заблокировать сайты с

дистанционной продажей табака и никотина, а также ресурсы, признанные «дискредитирующими духовно-нравственные ценности». С 1 сентября 2025-го действует штраф 3–5 тыс. рублей за «умышленный поиск экстремистских материалов», а популяризация средств обхода блокировок запрещена с марта 2024 года. ФСБ получила право требовать немедленного отключения конкретного пользователя от сети — по IMEI, номеру или IP.

Что это значит институционально

В демократических системах ограничение доступа к ресурсу с массовой аудиторией — это серьёзное решение, которое требует обоснования, публичной дискуссии и оценки последствий. Блокировка WhatsApp в Индии, Франции или Германии потребовала бы парламентских слушаний, позиции регулятора по защите конкуренции, оценки воздействия на малый бизнес и индивидуальных пользователей, а решение всё равно могло бы быть оспорено в высших судах. В российской модели ни один из этих институтов не задействован. Решение принимает Роскомнадзор на основании обращения силовых ведомств или суда, публичная процедура ограничена публикацией факта.

Экономический ущерб при этом не рассчитывается. Блогеры, потерявшие Google AdSense (~20 млрд рублей в год), рекламный рынок Instagram (6,2 млрд рублей в 2025 году), налоговые потери бюджета (600 млн рублей НДС и налога на прибыль в 2025 году, 1,4 млрд в 2026), убытки малого бизнеса, переносы рабочих процессов — всё это издержки, которые принимающий решение орган не обязан учитывать и не несёт за них ответственности.

В закрытой системе блокировка — это не результат взвешенного решения. Это побочный продукт процедуры, в которой все стимулы работают только в одну сторону: запретить, а не разрешить.

1.2. Парадокс VPN: 83,7 млрд на блокировки, 17,3 млрд на обход

Самая показательная иллюстрация системной несвязности — структура государственных расходов на цифровую политику. Одна и та же государственная машина одновременно финансирует две противоположные задачи.

Сторона ограничений

Федеральный проект «Инфраструктура кибербезопасности» в рамках нацпроекта «Экономика данных» первоначально получил 58,97 млрд рублей на

2025–2030 годы. В марте 2026 года Минцифры увеличило бюджет ещё на 14,9 миллиардов — до 83,7 млрд рублей. Целевые показатели: эффективность блокировки VPN — 96%, пропускная способность автоматизированной системы обеспечения безопасности (АСБИ) — 954 Тбит/с к 2030 году. Отдельно в мае 2023-го ГРЧЦ заключил контракт на 1,425 млрд рублей с единственным поставщиком на противодействие DDoS-атакам и модификацию ПО.

Бюджет Роскомнадзора вырос с 9,97 млрд в 2021 году до 31,1 млрд в 2023-м, причём 85,9% этой суммы — субсидии подведомственному ФГУП «Главный радиочастотный центр» (около 26,7 млрд рублей). В 2024 году РКН стал нетто-донором бюджета после введения с апреля 2025 обязательного 3-процентного сбора с интернет-рекламы, принёсшего за два квартала 7,8 миллиарда.

Сторона обхода

Государственные органы за январь–сентябрь 2024 года потратили на VPN-подключения 14,1 млрд рублей — рост на 683% к 2023-му и на 386% к аналогичному периоду 2022 года при 490 контрактах. Госкомпании по 223-ФЗ увеличили расходы ещё на 122% до 311 миллионов. Крупнейший заказчик — Департамент информационных технологий Москвы, заключивший три контракта на 9,8 млрд рублей. Социальный фонд и Федеральная таможенная служба в 2023 году закупили VPN у «Ростелекома» на 1,6 млрд. По данным TAdviser за полный 2024 год общая сумма достигла 17,3 млрд рублей при 1 461 тендере — рост на 73% к 2023-му.

Формально документация аккуратна: закупаются «корпоративные IPsec / SD-WAN решения для шифрования трафика между офисами». Эксперт «Контур.Закупок» Василий Данильчик формулирует это прямо: публичных закупок VPN для работы с заблокированными сайтами не существует, такие закупки могут проходить через закрытые процедуры. Характерная деталь — объём: 17,3 млрд рублей «на шифрование» у ведомств, которые ещё три года назад этой проблемой себя не озабочивали.

Почему это коррупционная проблема, а не только парадокс

Парадокс был бы безобидным, если бы обе стороны процесса работали независимо. Но в российском случае это один и тот же контур: Минцифры, Роскомнадзор, ГРЧЦ и «Ростелеком» участвуют и в создании системы блокировок, и в обеспечении её обхода для «своих». «Ростелеком» является единственным поставщиком в контрактах ТСПУ и одним из поставщиков корпоративного VPN госорганам. Это не конкурентная среда, а замкнутая схема, где прибыль получают одни и те же структуры с обеих сторон процесса.

Счётная палата ни разу не проводила публичной проверки связки «расходы на блокировки — закупки VPN — конфликт интересов». Генеральная прокуратура не

открывала расследования. Дума не проводила слушаний. Механизма, который задал бы вопрос «почему одни и те же компании зарабатывают на обеих сторонах процесса», формально не существует.

17,3 миллиарда рублей в год на закупку средств обхода того, что блокируется за 83,7 миллиарда — это не парадокс и не ошибка бюджетирования. Это маркер отсутствия институтов аудита, способных задать вопрос.

1.3. Технологический потолок: куда уходят деньги, которых нет на ИИ

Самая важная часть проблемы — не блокировки, а то, от чего они отвлекают. Пока в России строят файервол, остальной мир разворачивает инфраструктуру следующего технологического уклада. Счёт идёт не на годы отставания, а на порядки.

Разрыв в инвестициях в искусственный интеллект

Страна	Частные инвестиции в ИИ (2025)	Соотношение
США	\$285,9 млрд	×5 500 vs Россия
Китай	\$12,4 млрд	×240 vs Россия
Великобритания	\$4,1 млрд	×80 vs Россия
Россия (федбюджет, 2024)	≈\$52 млн	база

Источник: Stanford AI Index Report 2025/2026; федеральный бюджет РФ на ИИ, 2024.

Отказ государства финансировать суверенный ИИ-центр — самая показательная история 2025 года. Сбер и Яндекс совместно обратились в правительство за 400–450 миллиардов рублей на строительство дата-центра мощности, необходимой для обучения фронтирных моделей. Это не просьба о субсидии — это заявка на инфраструктуру национального масштаба, которую предлагалось софинансировать. Ответ был отказом с рекомендацией использовать собственные средства. Сам Герман Греф признавал, что генеративный ИИ пока не окупается — иначе говоря, это вложения в будущее, а не в текущую выручку, и частный капитал без государственного плеча такие масштабы не потянет.

Компьютерная база

На 2023 год Россия имела 7 суперкомпьютеров в рейтинге TOP500 против 150 у США и 134 у Китая. Самый мощный — Yandex Chervonenkis (21,53 петафлопс, 1 592 узла с NVIDIA A100) — занимал 27-е место. Импорт процессоров Intel в 2024 году

упал на 95%, AMD — на 81%. Параллельный импорт через Гонконг, Мумбаи, Малайзию и ОАЭ частично восполняет дефицит, но не масштабы: в 2024 году Bloomberg сообщил о 1 111 серверах Dell PowerEdge XE9680 с ИИ-ускорителями, поставленных в Россию через индийскую Shreya Life Sciences. Для сравнения: xAI анонсировала закупку эквивалента 50 миллионов процессоров H100 на пять лет.

Доступ к моделям

Фронтальные модели для российских пользователей недоступны официально. OpenAI с 9 июля 2024 года принудительно блокирует API-трафик из России. Anthropic не поддерживает российский регион и с сентября 2025 года расширил запрет на компании, в которых более 50% собственников из «несовместимых» юрисдикций. Google Gemini недоступен из-за санкционного комплаенса. Российские ИИ-разработчики работают через VPN, собственные модели (YandexGPT, GigaChat) или доступные сервисы вроде DeepSeek.

Отечественные модели находятся примерно на уровне открытых Qwen 2.5 32B и Llama 3.3 70B — это середина второго эшелона. На бенчмарке MMLU-Pro разрыв GigaChat с фронтальными моделями — около 36%, на IFEval — 47%. Россия отсутствует в глобальных рейтингах ИИ: Stanford AI Index 2025 и 2026 не включают её в число значимых игроков. На Chatbot Arena с 170+ моделями российских нет.

Апрель 2026: Mythos и конец эпохи файерволов

7 апреля 2026 года Anthropic объявила о создании модели Claude Mythos Preview. Впервые в истории ИИ-разработчик отказался выпускать собственную модель в общий доступ из соображений кибербезопасности — настолько сильной она оказалась. Модель передана ограниченному кругу из примерно 40 организаций (Microsoft, Google, AWS, NVIDIA, Palo Alto Networks, JPMorgan Chase и другие) в рамках Project Glasswing для защитной работы. Anthropic выделила \$100 миллионов на использование модели партнёрами и \$4 миллиона на донаты open-source проектам по безопасности.

Что именно делает Mythos. За несколько недель тестирования модель нашла тысячи ранее неизвестных уязвимостей (zero-day) в каждой крупной операционной системе и каждом крупном веб-браузере. По отчёту red team Anthropic, Mythos способна самостоятельно строить эксплойты с успехом 83% с первой попытки и связывать несколько уязвимостей в единую атаку. Модели достаточно простого запроса «найди уязвимость в этой программе» — и даже инженеры без формальной подготовки по безопасности получают рабочие эксплойты. Казначейство США и ФРС немедленно созвали совещание с руководителями крупнейших банков.

Что это означает для российского файервола. Система ТСПУ — это набор устройств глубокой инспекции пакетов (DPI), установленных у операторов связи.

Они работают по сигнатурам: опознают трафик VPN, мессенджеров, протоколов обхода и блокируют или замедляют их. Эта архитектура была технологически актуальна в 2018–2020 годах. С появлением моделей класса Mythos блокировка протокола становится задачей на минуты: модель может за ночь сгенерировать новый транспортный слой, который не опознаётся никакими существующими сигнатурами, и переупаковать трафик под видом легитимного HTTPS, видеоконференций или игрового трафика.

Это не теория — это уже происходит. Количество заблокированных в России VPN-сервисов выросло с 167 в октябре 2023 до 258 к концу 2025 и до 469 к февралю 2026. За два года число блокировок выросло в 2,8 раза, но доля россиян, использующих VPN, тоже выросла — с 25% в 2024 до 36% в марте 2025 (Левада), с пиками у молодёжи до 62%. Это классическая гонка вооружений, в которой защищающаяся сторона (в данном случае — Роскомнадзор) заведомо отстаёт, потому что атакующая сторона пользуется инструментами нового поколения. Бюджет в 83,7 миллиарда рублей до 2030 года покупает инфраструктуру, которая морально устареет к моменту её полного развёртывания.

Ключевой вывод. Борьба с VPN — это ветряные мельницы. Технология обхода развивается в общемировой индустрии ИИ быстрее, чем ТСПУ успевает её блокировать, потому что атака всегда дешевле защиты в несколько раз. Каждый новый миллиард на блокировки — это миллиард, который через 2–3 года окажется потрачен на оборудование, неспособное выполнить свою функцию. При этом бюджетные инвестиции в ИИ, которые могли бы создать собственную компетенцию подобного уровня, в России находятся на уровне \$52 миллионов в год — в 5500 раз меньше американских частных инвестиций и в 20 раз меньше бюджета на саму инфраструктуру блокировок.

Страна финансирует файервол из оборудования, которое устареет, не достроившись, — и параллельно отказывается финансировать технологию, которая эти файерволы делает прозрачными. Это не стратегия безопасности. Это стратегия поражения, оплаченная из бюджета.

Что это означает для среднего класса

Технологическое отставание — это не абстракция. Это будущие рабочие места, которых не будет. Это зарплаты в ИТ, которые не достигнут западных уровней. Это продукты, которые не выйдут на мировой рынок. Это стоимость российских компаний на IPO, которая окажется ниже ожидаемой. Это налоговая база будущих

пенсий, которая не сформируется. Это образование детей, которое обесценится, если иностранные работодатели не будут его принимать.

Когда государство выбирает потратить 83,7 миллиарда на ТСПУ вместо 400 миллиардов на дата-центр, это не политический жест — это экономическое решение, которое отнимает у среднего класса десятилетие экономического роста. И решение это было принято без публичного обсуждения: приоритеты расходов на цифровую экономику устанавливаются внутри правительства и Минцифры, без обязательных слушаний, без открытой экспертизы, без возможности для индустрии высказаться до того, как бюджет свёрстан.

Россия тратит на контроль над интернетом больше, чем на развитие искусственного интеллекта. Этот выбор — а не блокировки — является главным источником отставания, которое будет определять уровень жизни следующих двух поколений.

1.4. Человек без интернета принимает решения об интернете

Все перечисленные выше слои имеют общий источник — концентрацию стратегических решений о цифровой экономике у очень небольшой группы людей, значительная часть которых этой цифровой экономикой не пользуется лично. Это не риторический приём — это задокументированный факт.

Факты о президенте

Владимир Путин не пользуется смартфоном и интернетом. В 2001 году в интервью он сказал, что мало пользуется интернетом в силу лени. В 2020-м повторил публично, что ему комфортно не пользоваться интернетом. Пресс-секретарь Дмитрий Песков в 2014 году подтвердил ТАСС, что у президента нет мобильного телефона, а в 2018-м назвал владение смартфоном недопустимым для первого лица — формулировка была провокативной, но официально зафиксирована. Информация поступает президенту в виде бумажных папок с распечатками и телевизионных дайджестов.

Это не вопрос персональных привычек. Это структурный факт: решения о регулировании сферы, которая формирует будущее страны и доходы миллионов людей, принимаются человеком, не имеющим пользовательского опыта в этой сфере. Он видит её через фильтр тех, кто ему рассказывает, — а рассказывают те, у кого интерес в контроле, а не в развитии.

Факты о пресс-службе и аппарате

Сам Кремль использует VPN для работы. В феврале 2026 года Песков в комментарии «Медузе» подтвердил, что пресс-служба Кремля использует VPN для ведения официального Telegram-канала. Ранее, в апреле 2022 года, в интервью телеканалу «Беларусь-1» Песков прямо сказал, что у него установлен VPN и это не запрещено. В сентябре 2025 года он также заявил, что мессенджер МАХ у него не установлен, а в интервью ТАСС признавал, что Telegram остаётся основным каналом донесения смыслов для пресс-службы.

Мария Захарова, официальный представитель МИД, продолжает вести заблокированный Instagram с 233 тысячами подписчиков и признавалась, что переключение VPN ей неудобно. Дмитрий Медведев продолжает публиковаться в платформах Meta. Рамзан Кадыров и его сыновья сохраняют присутствие в Instagram. Дочь Пескова Елизавета ведёт Instagram из Парижа для 218 тысяч подписчиков. Chatham House в марте 2026 года писал, что часть высокопоставленных чиновников использует отдельные SIM-карты и устройства для нетривиальной цифровой коммуникации.

Дети элиты: образование в том мире, от которого страну закрывают

Пока государство отключает YouTube и запрещает иностранные мессенджеры в школах, дети тех, кто принимает эти решения, массово учатся в западных университетах. По статистике, в зарубежных вузах учатся дети всего около 1,5% россиян — что автоматически делает этот сегмент индикатором именно элитного, а не массового поведения. Расследования «Нового времени», «Инфо24», «ФедералПресс» и ТРГ за последние годы задокументировали конкретные имена — и картина получается ровно обратной публичной риторике родителей.

Показательные примеры: депутат Александр Ремезков, соавтор «закона Димы Яковлева» о запрете усыновления российских детей американцами, отправил собственного сына Степана учиться именно в США — в военный колледж Valley Forge Military Academy, а затем в школу бизнеса Hofstra University. Сам Степан писал в социальных сетях, что именно это американское образование дало ему «фундаментальные жизненные ценности — долг, честь, верность и мужество».

Елена Мизулина, автор множества запретительных законов о «традиционных ценностях», отпустила сына Николая учиться в магистратуре Института международной торговли в Швейцарии и получить степень магистра права в Оксфордском университете. Он стал партнёром бельгийской юридической компании. Сын Павла Астахова, при отце-защитнике российских традиций, окончил Оксфордский международный колледж St Clare's College, лондонский Metropolitan College и European School of Economics; жил и учился в Нью-Йорке на Уолл-стрит.

Внуки Владимира Жириновского учились в TESIS — The American School In Switzerland.

Структура расходов показательна сама по себе. Год обучения в Йельском университете обходится примерно в 4,4 миллиона рублей, в Нью-Йоркском — 4,2 миллиона. Женевский и Лозаннский университеты дешевле (80–115 тысяч рублей в год), но стоимость проживания в Швейцарии для ребёнка делает общую цифру сопоставимой. То есть образование одного ребёнка российского чиновника в элитном западном вузе стоит, как годовая зарплата десятка учителей в российской региональной школе.

Законодательные инициативы о запрете — не проходят. Депутаты от КПРФ в 2013, 2016 и 2017 годах вносили в Госдуму законопроекты о запрете детям чиновников учиться за границей. Каждый раз законопроект отклонялся — с формулировкой «грубейшее нарушение прав человека». В апреле 2025 года депутат петербургского Законодательного собрания Алексей Зинчук внёс новый проект с запретом учёбы в «недружественных странах»; в Госдуме мнения оказались «полярные». Председатель профильного комитета Анатолий Аксаков заявил, что «на благо развития страны наши дети должны впитывать в себя всё лучшее знание мира, расширяя свой кругозор». Это та самая возможность, которую та же элита не считает необходимой для детей среднего класса.

Элита одобряет для своих детей тот интернет и то образование, от которых она же закрывает страну. Это не лицемерие отдельных чиновников — это системная характеристика: решения принимаются от имени людей, в мире которых сами решающие жить не собираются.

Провал флагманского проекта МАХ

МАХ — обязательный национальный мессенджер, запущенный ВК в марте 2025 года, — формально отчитался о 75 миллионах зарегистрированных пользователей к декабрю и среднесуточной аудитории 45 миллионов. Но данные оператора Т2 за четвёртый квартал 2025 показали: только 0,6% абонентов пользуются исключительно МАХ, 52% держат на телефоне сразу три мессенджера (Telegram + WhatsApp + МАХ). Расследование «Вёрстки» 29 декабря 2025 года зафиксировало внутреннюю оценку администрации президента: проект оценивается начальством как провальный, и кто-то за это будет отвечать.

Ключевая деталь — поведение самих заказчиков. У Мишустина и всех его заместителей, у Медведева, Матвиенко, Захаровой, Киселёва, Прилепина нет

каналов в МАХ. У тех, кто зарегистрировался, подписчиков в десятки раз меньше, чем в Telegram: у Собянина 37 тысяч против более миллиона в Telegram. Сквозного шифрования в МАХ нет, что подтверждено экспертами по информационной безопасности — все сообщения хранятся на серверах VK в открытом виде по закону Яровой. В коде приложения обнаружены библиотеки из недружественных стран, включая украинскую uSgor.

Структурный вывод

Когда платформа, сделанная по государственному заказу и продвигаемая через законодательное принуждение, не используется даже чиновниками, которые её продвигают, — это не случайность. Это показатель того, что система принятия решений о цифровых продуктах оторвана от реального пользовательского опыта, который есть у всех остальных участников процесса. Решение создаётся в замкнутом контуре, не проверяется гипотезой, не получает обратной связи, не допускает корректировки — и в результате оказывается продуктом, который принуждением можно заставить установить, но не использовать.

Невозможно разработать удобный цифровой продукт для людей, которыми пренебрегают при проектировании.

Невозможно выработать разумную цифровую политику, не имея пользовательского опыта. А в России пользовательский опыт тех, кто принимает решения, и тех, кто их исполняют, расходится радикально — и это главный диагноз, за которым стоят все остальные проблемы.

1.5. Что думает об этом общество

Факты, изложенные выше, это одна половина картины. Вторая — восприятие этих фактов людьми, которых они касаются. Без понимания общественного фона любой разговор о реформах остаётся академическим. Реформы нужны тогда и в той мере, в какой общество готово их потребовать; и исследования показывают, что эта готовность накапливается быстрее, чем принято считать.

Социологические замеры: перелом в октябре 2025 — марте 2026

ВЦИОМ, провластный центр, в октябре 2025 года зафиксировал, что ограничения мессенджеров не поддерживают 39% россиян против 24% поддерживающих. Это было первое исследование, в котором провластная социология показала перевес противников ограничений.

Левада-Центр в марте 2026 года: 55% россиян не поддерживают блокировки Telegram и WhatsApp, поддерживают — 36%. За полгода (с октября 2025) поддержка упала на 13 процентных пунктов, неподдержка выросла на 14. Это не медленный дрейф, а ускоренное изменение массового сознания в течение 5–6 месяцев. У молодёжи 18–24 лет доля использующих VPN составила 62%, среди критиков Путина — 46%, среди активных зрителей YouTube — тоже 62%. Использование VPN стало массовой нормой.

Рейтинг президента, по данным ВЦИОМ, впервые с февраля 2022 года упал более чем на 7 пунктов. Обращение Виктории Бони в апреле 2026 года набрало 26 миллионов просмотров за четыре дня и заставило Кремль публично реагировать. Это комплекс индикаторов, которые в социологии обычно совпадают с фазой накопления запроса на перемены, а не с фазой стабильного статус-кво.

Срез Пикабу: проблема не в несогласии, а в неверии

Отдельно стоит упомянуть неформальные опросы в интернет-сообществах, которые не претендуют на статистическую репрезентативность, но дают ценный срез установок активной части городской аудитории. В апреле 2026 года в сообществе Пикабу был проведён опрос из 390 участников с вопросом «Путин знает, что реально происходит в России?». Результаты показательны: 32,56% — «знает и одобряет»; 18,21% — «ему не говорят»; 14,1% — «знает, но не может»; 35,13% — «какая разница».

Ответ «какая разница», набравший наибольшую долю, — это не апатия в бытовом смысле. Это институциональный нигилизм: люди не верят, что механизм информирования первого лица о положении дел работает, но одновременно не верят, что ответ на этот вопрос что-то изменил бы. То есть проблема в их восприятии — не в осведомлённости верхушки, а в отсутствии канала, через который эта осведомлённость транслировалась бы в решения. Именно этот разрыв — между наличием информации и её использованием — и является настоящим предметом реформы.

Важно, как складываются ответы. Если сложить «ему не говорят» (18,21%) и «знает, но не может» (14,1%), получается 32,3% — доля людей, которые допускают добрую волю первого лица, но видят неработающие институты. Плюс 35,13% «какая разница» — это ещё одна треть, которая институтов не видит вовсе. В сумме — 67,4% опрошенных в той или иной форме фиксируют неработоспособность механизма связи между гражданами и властью. Только 32,56% считают, что механизм работает и даёт результат «знает и одобряет». Даже в провластно ориентированной интерпретации такой расклад — это голос за институциональную реформу, а не против неё.

Это срез, а не социология. Но он подтверждает общую линию и Левады, и ВЦИОМ, и реакции на обращение Бони: общество прошло фазу, когда можно было верить в абстрактную компетентность «центра». Запрос на работающие институты — артикулирован, пусть и нередко через разочарование. Задача петиции «Свободный Интернет» — перевести этот запрос из формы «какая разница» в форму «вот конкретное требование к парламенту, суду и Счётной палате». И тем самым ответить на 35,13% «какая разница» — разница есть: разница между институтом, к которому у граждан есть доступ, и институтом, у которого этого доступа нет.

Россияне уже не верят, что система сама себя исправит. Но большинство ещё не знает, какое именно требование могло бы её исправить. Вклад этого доклада — дать ответу форму, которую можно подписать.

Сведение диагноза

Блокировки — это не отдельная проблема. Это следствие системы, в которой решения о цифровой экономике принимаются закрытым кругом, без публичного контроля, без экспертизы последствий и без пользовательского опыта у тех, кто принимает решения. Парадокс VPN — это маркер отсутствия аудита. Технологическое отставание — это следствие тех же самых закрытых приоритетов. Провал МАХ — это демонстрация того, что система не способна создавать конкурентоспособные продукты, даже когда тратит на это миллиарды. Четыре слоя — одна корневая проблема.

Из этого диагноза вытекает важный вывод. Требовать «отмены блокировок» — значит бороться с симптомом. Даже если гипотетически предположить, что в какой-то момент блокировки будут сняты, тот же механизм воспроизведёт их через год под другим поводом — потому что институционально ничего не изменилось. Реальная реформа должна касаться процедуры принятия решений, а не их конкретного содержания. Именно этому посвящены части III и IV доклада.

Часть II. Четвёртый слой: эмиграция среднего класса

Если часть I описывала механику закрытой системы, то часть II показывает её главное социальное последствие — систематический уход из страны людей, которые обычно составляют базу экономического роста. Эмиграция после 2022 года — это не «несогласные уехали, остальное общество успокоилось». Это структурный процесс, в котором страна теряет не столько политических противников, сколько квалифицированных специалистов, предпринимателей и молодых профессионалов с высшим образованием — тех, кто не видит для себя будущего в системе, где решения о его собственной жизни принимаются без него.

2.1. Масштабы: цифры, которые трудно собрать, но они есть

Общая оценка волны 2022–2023 годов — около 800 тысяч человек. Социологи и экономисты расходятся в точных числах, но диапазон известен: Институт социального анализа и прогнозирования РАНХиГС в первый месяц после начала вторжения фиксировал 100–150 тысяч выехавших. По данным «Википедии», со ссылкой на ряд исследований, половина уехавших — в страны «дальнего зарубежья», половина — в страны СНГ. Проект OutRush-РАНХиГС оценивал специфически ИТ-отток 2022–2023 годов в 344 000 человек (41% общей волны). Минцифры официально заявляло: в 2022 году страну покинули более 100 000 ИТ-специалистов.

Чистая миграционная убыль 2024 года — 178 042 человека. По данным World Population Prospects 2024 ООН, Россия впервые за долгое время ушла в устойчивую минусовую динамику чистой миграции — приехавшие в страну не компенсируют уезжающих. Для сравнения: в 2023-м показатель был +27 807. За два года тренд изменился с положительного на отрицательный. В абсолютном выражении 178 тысяч — это население Пскова, Владимира или Йошкар-Олы. Каждый год.

Возвращение ничтожно. Независимые опросы в 2023-м году фиксировали около 8% вернувшихся после первой волны. Официальная позиция Минцифры называла цифру в 45%, но эта статистика не подтверждается независимыми источниками и, вероятно, включает людей, которые возвращались временно. Сеньорный технический слой, уехавший в ЕС, Кипр и ОАЭ, не вернулся. Отрасль восполнила

потери за счёт молодых кадров — к началу 2026 года число ИТ-специалистов выросло на 13% до 1,12 миллиона (данные TAdviser). Но это не то же самое: компенсация количества не означает восстановления качества.

2.2. Портрет уехавших: почему это именно средний класс

Возраст — 25–44 года. По мартовскому опросу OK Russians 2022 года, 49% уехавших — люди 25–34 лет, 29% — 35–44 лет. Это работающий активный возраст, именно тот, который формирует налоговую базу и рынок труда.

Образование — в три раза выше среднего. Среди населения России в целом высшее образование имеют около 27%. Среди уехавших — 80%. Это принципиальная разница: страну покидают не маргиналы, которым нечего терять, а, наоборот, люди с наиболее конвертируемым человеческим капиталом.

Экономический профиль — выше среднего. По тому же опросу, 15% россиян в целом заявляли, что им не хватает на одежду, и 47% — что не могут купить технику. Среди уехавших эти показатели составили 1% и 10% соответственно. Это не бегство нищеты — это уход обеспеченных городских жителей, предпринимателей и профессионалов.

Структура компетенций — цифровая экономика и креативная индустрия. ИТ-специалисты, программисты, дизайнеры, продукт-менеджеры, учёные, врачи, инженеры, предприниматели из сферы услуг. Именно эти категории наиболее мобильны, имеют рыночно востребованные навыки и психологически готовы к смене страны. Именно они при этом формируют основу роста в любой современной экономике.

Направления выезда. В 2022-м — Грузия, Казахстан, Турция, Сербия, Армения, Израиль (по закону о возвращении для евреев), Кипр, ОАЭ, Черногория. В Армении были открыты 6 500 счетов нерезидентами, большинство — россиянами. В Турцию выехало порядка 14 тысяч человек. К 2024–2025 годам география расширилась в страны ЕС, США и Канаду — по мере того как люди получали долгосрочные визы и виды на жительство.

80% уехавших имеют высшее образование, тогда как среди населения в целом — 27%. Это не эмиграция недовольных меньшинств. Это потеря средним классом своей наиболее активной части.

2.3. Почему именно сейчас: это не война как таковая

Удобно было бы объяснить эмиграцию 2022–2025 годов одним словом: война. Но это объяснение не выдерживает проверки. Люди уезжали волнами и до февраля 2022 года, хотя и в меньших масштабах. А главное — те, кто уехал в 2022–2023 годах, остались за границей не потому, что продолжается война, а потому, что они не видят возврата в страну с более открытой системой принятия решений.

Что изменилось в 2022-м

Не война сама по себе, а закрытие политического горизонта. До 2022 года у среднего класса существовало негласное соглашение с государством: вы не лезете в политику, государство не лезет в вашу экономику. Это было не идеальное положение, но оно позволяло строить карьеру, открывать бизнес, инвестировать в образование детей — с разумным горизонтом планирования в 5–10 лет. В 2022 году это соглашение было разорвано: государство резко расширило своё присутствие в частной жизни (закон о дискредитации армии, криминализация поиска «экстремистских материалов», обязательные мессенджеры, государственный ID), а частная инициатива, напротив, оказалась ограничена санкциями, блокировками и политическими рисками.

Исчезновение пространства для агентности. Средний класс терпит многие неудобства, если сохраняется ощущение, что его собственные решения имеют значение. Он открывает бизнес, потому что видит спрос; отправляет детей учиться, потому что верит, что полученное образование пригодится; откладывает на пенсию, потому что доверяет финансовой системе. Когда все эти ожидания подвергаются сомнению одновременно — бизнес может быть заблокирован, образование обесценено, сбережения заморожены — уезжают не из страха перед войной, а из понимания, что горизонт планирования схлопнулся до месяцев.

Конкретные триггеры волн

- **Февраль–март 2022:** начало вторжения, экономические санкции, блокировка Instagram и Facebook, закон о военных фейках — уехало около 100–150 тыс. человек только в первый месяц.
- **Сентябрь 2022:** мобилизация. Вторая волна масштаба порядка 300 тысяч — ИТ-специалисты, предприниматели, все, кто не хотел рисковать отправкой на фронт.
- **2023–2024:** «медленный отток». Люди получают ВНЖ, выводят семьи, закрывают российские активы. Не заметно для СМИ, но ощутимо в статистике.
- **2025–2026:** новая волна, связанная именно с цифровыми ограничениями. Блокировка WhatsApp, замедление Telegram, обязательный МАХ, «белые списки». Уезжают те, кто ждал и надеялся, что худшее позади.

2.4. Что теряет экономика

Эмиграция квалифицированных кадров — это не моральная проблема и не «жалко людей». Это конкретные экономические издержки, которые переносятся на тех, кто остался, — на средний класс, на российский бизнес, на государственный бюджет.

Прямые потери

Налоговая база. ИТ-специалист со средней зарплатой 140 000 рублей в месяц, уехавший из России и сохранивший работу на иностранную компанию, выпадает из российской системы НДФЛ, социальных взносов и налога на прибыль. Даже если он продолжает работать на российскую компанию удалённо (по оценке Минцифры, в 2022 году это делали 80% уехавших), его вклад в бюджет сокращается: доходы облагаются в стране проживания, отчисления в Социальный фонд РФ прекращаются.

Рынок аренды и недвижимости. По данным ЦИАН, в городах-миллионниках 2022–2023 годов фиксировалось падение средних арендных ставок в премиум-сегменте — уехавшие составляли ту категорию, которая снимала квартиры за 80+ тысяч рублей в месяц. Рынок восполнился, но с ротацией: место среднего класса заняли приезжие из СНГ с другим паттерном потребления.

Потребительский рынок. Уехавшие были лояльной аудиторией премиальных российских брендов — от доставки еды до онлайн-образования. Их потеря чувствуется не в количестве пользователей, а в платёжеспособном спросе. Именно поэтому 2023–2024 годы стали тяжёлыми для российских сервисов премиум-сегмента, несмотря на то что общее число регистраций росло.

Косвенные потери

Передача знаний. Сеньорный программист в крупной компании обучает 3–5 мидлов в год. Врач-кардиолог с опытом зарубежных стажировок учит 2–3 ординатора. Предприниматель в сфере B2B SaaS создаёт рабочие места для 10–20 человек. Когда уезжает сеньор — прерывается цепочка знаний. Его место формально может занять мидл, но качество принятия решений в команде снижается, и это снижение переносится на конечный продукт.

Потенциал роста. Инновационные компании появляются в экосистемах, где есть плотность талантов. Silicon Valley, Бангалор, Шэньчжэнь, Тель-Авив, Берлин — это не просто города с хорошей инфраструктурой, это места, где на улице можно встретить 100 кандидатов на должность СТО. Когда такие люди уезжают, экосистема разрежается, и новые стартапы предпочитают сразу регистрироваться за рубежом. Российские стартаперы 2023–2025 годов массово открывают юрлица в Дубае, Сербии, Казахстане, Армении — не потому, что любят эти страны, а потому, что оставаться в России для инновационного бизнеса стало неудобно.

Обратная связь с государством. Квалифицированные профессионалы формируют экспертизу, на которую опираются принимающие решения. Когда эта экспертиза физически покидает страну, её место занимают менее компетентные или более лояльные игроки. Качество решений падает, закрытость системы растёт. Это самоусиливающийся цикл, в котором каждое решение, принятое без экспертизы, снижает доверие и толкает к эмиграции следующий слой.

2.5. Почему средний класс уезжает тихо

В отличие от политической эмиграции, экономическая эмиграция среднего класса не сопровождается громкими заявлениями. Уезжающий предприниматель или программист не ведёт блог протеста. Он получает визу, продаёт квартиру, переводит средства, упаковывает вещи и уезжает. Для государства это почти невидимо — в официальной статистике он будет «выездом на учёбу» или «длительной командировкой». Поэтому реальные масштабы процесса публично недооцениваются.

Три причины тишины. Во-первых, уехавшим невыгодно привлекать внимание: чем меньше о них знают российские власти, тем проще сохранить оставшиеся в России активы. Во-вторых, они психологически уже не считают Россию страной проживания — и не чувствуют обязательства публично объяснять свой выбор. В-третьих, российские СМИ почти не освещают эту тему: о ней неудобно писать крупным СМИ, а независимые медиа чаще обсуждают политическую эмиграцию, чем тихий уход миллионов обычных людей.

Но эта тишина не означает, что процесс не идёт. Она означает лишь то, что государство не видит его в реальном времени и не способно на него отреагировать — до тех пор, пока не станет поздно. А статистика Росстата, данные ООН и независимые исследования показывают, что эта точка «поздно» уже наступила: страна теряет людей быстрее, чем способна их восполнить.

Уезжающий средний класс — это не политическое явление, это экономический индикатор. Он сигнализирует рынку: горизонт планирования в России для квалифицированного труда схлопнулся до месяцев. И пока этот сигнал не будет услышан институционально — процесс продолжится.

2.6. Связь с главной проблемой

Эмиграция среднего класса — это не параллельный процесс, идущий отдельно от блокировок и технологического отставания. Это прямое следствие закрытой системы принятия решений. Люди уезжают не потому, что им не хватает одной конкретной платформы. Они уезжают потому, что видят: решения о их работе, их доходах, их детях и их будущем принимаются без них и без тех, кого они считают достойной экспертизой.

Это означает: реформа системы принятия решений — не абстрактная политика. Это единственный инструмент, который может развернуть эмиграционный поток. Никакие налоговые льготы, никакие программы «возвращения», никакие призывы к патриотизму не заменят того главного, чего лишился средний класс: ощущения, что его голос имеет значение в решениях, которые его касаются.

Задача трёх реформ, которые будут предложены в части IV, состоит именно в этом: создать институциональный механизм, благодаря которому человек с высшим образованием, квалификацией и налоговой дисциплиной мог бы видеть, что государственные решения проходят через экспертизу и публичное обсуждение. Не обязательно с тем результатом, который он хочет, — но по процедуре, которой он может доверять. Это минимальное условие, при котором имеет смысл оставаться.

Часть III. Международные прецеденты: как решается такая проблема

Закрытые системы принятия решений о цифровой экономике — не уникально российская проблема. В той или иной форме с ней сталкивались все страны, где цифровая сфера развивалась быстрее, чем институты демократического контроля. Но в нескольких случаях проблему удалось решить — или, точнее, встроить в неё работающий механизм обратной связи между гражданами и государством. Три таких случая заслуживают детального разбора: Великобритания (институт петиций parliament.uk), Эстония (Rahvaalgatus.ee как полноценная система гражданских инициатив) и Тайвань (vTaiwan как консенсус-платформа для цифровых вопросов). Общий знаменатель этих трёх моделей: они не требуют смены режима, они требуют только введения процедуры.

3.1. Великобритания: петиция как институт

Что это

petition.parliament.uk — официальная электронная платформа для подачи петиций правительству и палате общин. Система была запущена в её современной форме в июле 2015 года. Платформа управляется совместно палатой общин и правительством, администрирование осуществляет Комитет по петициям (Petitions Committee), состоящий из 11 депутатов от разных партий.

Как работает

Принцип простой. Любой гражданин Великобритании (или резидент с зарегистрированным адресом в UK) создаёт петицию на сайте. Чтобы она была опубликована, нужна поддержка не менее пяти человек. Далее:

1. **10 000 подписей** — правительство обязано предоставить официальный письменный ответ. Это не дебаты, но формальная публичная позиция.
2. **100 000 подписей** — Комитет по петициям рассматривает вопрос о назначении парламентских дебатов. На практике почти все петиции, набравшие 100 тысяч, получают дебаты: либо в Вестминстер-Холле, либо в основной палате общин.

Срок сбора — 6 месяцев с момента публикации. Петиция должна касаться того, за что отвечают правительство или парламент (не местных органов, не

независимых организаций). Может критиковать правительство, требовать изменения политики или нового закона.

Масштаб использования

С 2015 года на платформе создано более 30 000 петиций, собрано свыше 110 миллионов подписей. Более 1 700 петиций получили официальный правительственный ответ, более 350 стали предметом парламентских дебатов. Самая массовая петиция — требование отозвать Статью 50 о выходе Великобритании из ЕС (2019), 6,1 миллиона подписей. В ноябре 2024 года петиция о проведении новых парламентских выборов набрала 3 миллиона подписей за 24 часа.

Реальные результаты

Петиции, которые изменили политику: отмена платы за посещение начальной школы для младших классов (2015); расширение программы бесплатных школьных обедов в период пандемии 2020 года (петиция футболиста Маркуса Рэшфорда, 1 миллион подписей); включение вакцинации от менингита В в национальный календарь (2016, 800 тысяч подписей); обязательное обучение профилактике суицида в школах (2021, 160 тысяч подписей). Не все петиции меняли закон — но все получали публичную реакцию, официальное обоснование, возможность гражданского давления.

Почему это работает

Во-первых, порог 100 тысяч — это не так мало, чтобы стать шумом, но и не так много, чтобы быть недостижимым. Около 30 петиций в год набирают эту отметку.

Во-вторых, процедура обязательна. Правительство не может «не заметить» петицию: его реакция регулируется регламентом, а отсутствие реакции немедленно становится политическим фактом.

В-третьих, платформа технически отделена от исполнительной власти. Она управляется совместно парламентом и правительством, что гарантирует её работу даже при смене партии власти. За 10+ лет существования платформы через неё прошли правительства консерваторов, коалиционные правительства и правительство лейбористов.

Британская модель показывает, что массовая петиция как институт — это не протестный инструмент, а часть регулярной политики. Правительство реагирует не потому, что его заставили, а потому, что так устроена процедура.

3.2. Эстония: Rahvaalgatus.ee и инфраструктура доверия

Что это

Rahvaalgatus.ee — эстонская платформа гражданских инициатив, запущенная Эстонским обществом сотрудничества (Estonian Cooperation Assembly) в сотрудничестве с правительством. В отличие от британской модели, она не ограничивается сбором подписей — она позволяет гражданам разрабатывать и подавать в парламент Эстонии готовые законодательные инициативы.

Как работает

Процесс разделён на три этапа.

1. **Обсуждение.** Инициатива публикуется на платформе, открыто обсуждается, авторы могут вносить правки с учётом комментариев. Это не просто сбор подписей под готовым текстом — это совместная разработка документа.
2. **Сбор подписей.** 1 000 верифицированных цифровых подписей (через e-ID — государственный цифровой документ, который есть у 99% населения Эстонии) — и инициатива передаётся в парламент Эстонии или местное самоуправление в зависимости от уровня.
3. **Обязательный ответ и рассмотрение.** Парламент обязан формально рассмотреть инициативу и дать публичный ответ. Ответ не обязательно означает принятие — но это публичное объяснение позиции.

Почему масштаб работает

В 2023 году в Эстонии прошли парламентские выборы, в которых 101 избранный депутат Рийгикогу получил определённое количество голосов избирателей. Платформа Rahvaalgatus.ee к этому моменту собрала столько же подписей за 101 наиболее популярную инициативу, сколько избиратели отдали голосов за своих депутатов. Иначе говоря, гражданская инициатива работает примерно в том же масштабе, что и избирательная кампания. Это не маргинальный инструмент — это полноценный канал обратной связи.

Что изменилось благодаря платформе

Несколько инициатив с платформы стали законами — от изменений в экологическом законодательстве до реформ местного самоуправления. Эстония провела через rahvaalgatus.ee ряд вопросов, которые в других странах решались бы через закрытое лоббирование: налоговые изменения, регулирование цифровых услуг, условия получения гражданства. Главное — это не конкретные законы, а изменение культуры принятия решений: эстонские политики знают, что за каждым решением они могут столкнуться с проверкой через открытую платформу.

Инфраструктурная основа

Rahvaalgatus.ee работает потому, что работает вся эстонская цифровая инфраструктура. Это не отдельный сайт — это часть экосистемы X-Road (защищённая система обмена данными между ведомствами, в 2024 году обработала 2,7 миллиарда запросов), e-ID (у 99% населения), i-Voting (31,5% избирателей голосовали электронно на парламентских выборах 2023 года, в 2024-м — уже 53%). Принцип «данные предоставляются однажды» (once-only) закреплён в эстонском законе с 2000 года.

Что Эстония показывает России

Эстония — маленькая страна (1,3 миллиона человек), но именно её размер позволил ей в 1990-е годы сделать то, что в больших странах было бы дорогим и политически спорным: построить единую цифровую инфраструктуру с самого начала. Сегодня она экспортирует эту модель через e-Governance Academy в 60+ страну мира. Ключевая идея Эстонии — цифровое государство не означает закрытое государство, наоборот: цифровизация — это способ повысить прозрачность, сделать каждое действие государства отслеживаемым для гражданина.

В российском контексте это важно: цифровая инфраструктура уже построена (Госуслуги, «Мой налог», электронные трудовые книжки — всё это работает). Отсутствует не технология, а процедура: никто из разработчиков Госуслуг не ставил задачу сделать платформу для гражданских инициатив и публичного обсуждения государственных решений. Сделать это технически — не сложнее, чем сделать электронный дневник в МАХ. Не сделано — не потому, что невозможно, а потому, что не было такой задачи.

Эстония опровергает главный тезис российских консерваторов: что публичное участие возможно только в маленьких западных странах, а «для большой страны нужен контроль». Эстонская модель создаёт публичное участие именно за счёт цифровизации — то есть того самого инструмента, который Россия уже имеет в руках.

3.3. Тайвань: vTaiwan и решение цифровых вопросов через консенсус

Что это

vTaiwan — это процесс, разработанный тайваньской гражданской технологической группой gov после протестов Движения подсолнухов 2014 года. Изначально идея

была подхвачена в 2015 году Министерством цифровых дел Тайваня во главе с Одри Тан — первым министром цифровых дел страны и одним из ключевых архитекторов модели.

Как работает

vTaiwan — не просто платформа, а последовательная четырёхэтапная процедура.

4. **Этап фактов.** Краудсорсинг данных и экспертных мнений по конкретной регуляторной проблеме (например, нужно ли легализовать Uber, как регулировать финтех).
5. **Этап обсуждения.** Граждане высказывают позиции в открытом формате с использованием платформы Pol.is. Её особенность — нельзя отвечать на чужие комментарии, только голосовать за или против и предлагать свои собственные утверждения. Это блокирует «холивары» и делает возможным массовое обсуждение.
6. **Этап консенсуса.** Pol.is с помощью машинного обучения находит утверждения, которые поддерживают представители разных изначально несогласных групп. Это и есть «консенсусные точки» — то, с чем согласны и сторонники, и противники.
7. **Этап законодательства.** Консенсусные позиции выносятся на живую встречу с регуляторами, которая транслируется в прямом эфире. Результатом становятся конкретные поправки в закон.

Реальные результаты

Uber в Тайване. Классический кейс vTaiwan: компания работала в серой зоне с 2013 года, таксисты протестовали, правительство не знало, что делать. Через vTaiwan в 2015 году было найдено решение, которое устроило и таксистов, и пассажиров, и Uber: компания должна была партнёрствовать с лицензированными таксопарками. Решение было принято законодательно и устояло.

Финтех-песочница. Тайвань одним из первых в Азии ввёл законодательную базу для регулятивной песочницы (regulatory sandbox) финтеха — именно через vTaiwan. Это позволило стране привлечь финтех-компании, которые в других юрисдикциях столкнулись бы с затяжными регуляторными битвами.

К 2023 году через vTaiwan прошло более 30 кейсов, около 80% из них привели к конкретным государственным действиям. Список подписчиков vTaiwan — 200 тысяч человек на 2020 год. В масштабах 23-миллионного Тайваня это соответствует 6 миллионам подписчиков в России — то есть массовой базе.

Почему это важно именно для цифровых вопросов

Регулирование цифровой экономики — это область, в которой традиционные институты часто бессильны. Технологии меняются быстрее, чем законы; рынки формируются из стартапов, у которых нет ресурсов на лоббирование; пользователи разбросаны и не имеют представителей. vTaiwan создавался именно как ответ на эту проблему: он даёт голос тем, у кого нет ни парламентского лоббиста, ни бюджета на юристов, ни каналов во власть.

В российском контексте это критически важно. Решения о блокировке Instagram, о запуске МАХ, о бюджете на ИИ, о регулировании VPN, о допуске иностранных платформ на рынок — это классические цифровые вопросы, по которым технократический консенсус с участием индустрии и пользователей был бы намного эффективнее, чем закрытое ведомственное решение. Российский рынок достаточно большой, чтобы такой механизм работал в масштабах миллионов участников.

Требования к инфраструктуре

vTaiwan использует открытый софт Pol.is, разработанный небольшой командой в Сиэтле. Лицензия — открытая. Развернуть аналогичную платформу технически можно в течение нескольких месяцев. Намного сложнее — организационная часть: нужен нейтральный оператор, ответственный за процедуру; нужны регуляторы, готовые принять результаты процесса; нужна медийная инфраструктура, способная доносить суть обсуждений до широкой аудитории. Всё это институциональные задачи, которые, как показывает опыт Тайваня, решаются за 2–3 года при наличии политической воли.

Тайваньская модель показывает, что цифровую политику можно делать вместе с гражданами — и что это даёт качество решений, которое закрытая ведомственная процедура принципиально не может обеспечить.

3.4. Что общего у трёх моделей

- **Процедура, а не политика.** Ни одна из трёх моделей не требует смены правящей партии или идеологии. Они требуют только введения процедуры, через которую решения проходят обязательный этап публичного обсуждения. Процедура работает при любой власти — в этом её институциональная сила.
- **Порог входа низкий.** 1 000 подписей в Эстонии, 10 000 для ответа правительства в Великобритании — это доступно для инициатив без массовой медиакомпания. Массовая мобилизация нужна только для дебатов, а уже сам факт обязательного ответа меняет поведение чиновников.

- **Цифровая инфраструктура — вторична.** Эстония построила её с нуля, Великобритания использует обычный веб-сайт, Тайвань — открытое ПО. Российская инфраструктура (Госуслуги, цифровой ID) уже технически способна поддерживать аналогичную платформу — вопрос воли, а не технологии.
- **Изменение культуры, а не результата.** Ни в Великобритании, ни в Эстонии, ни на Тайване петиции и инициативы не «побеждают» каждый раз. Но сама их возможность меняет поведение чиновников — они начинают планировать решения с учётом того, что те могут попасть на публичное обсуждение. Это и есть институциональное изменение.

Вывод из трёх примеров. Механизмы обязательного общественного контроля над цифровой политикой существуют, работают в разных политических системах и не требуют ни революции, ни полной перестройки конституции. Они требуют только трёх вещей: процедуры, порога и обязательной реакции. Всё остальное — технические детали.

Часть IV. Три требования реформы

Эта часть переводит диагноз из частей I и II и международный опыт из части III в конкретные институциональные требования. Каждое из трёх требований сформулировано так, чтобы отвечать трём критериям: оно адресует не симптом, а процедуру; оно имеет рабочий прецедент в демократических странах; оно не требует конституционных изменений и может быть реализовано в рамках действующей системы при наличии политической воли. Эти требования не являются «оппозиционной повесткой» — они являются требованием исполнения того, что уже предусмотрено Конституцией РФ: публичного контроля за исполнительной властью, экспертизы государственных расходов и участия граждан в решениях, затрагивающих их права.

Требование 1. Парламентский контроль над блокировками

Суть

Любое решение об ограничении доступа к интернет-ресурсу с аудиторией свыше 100 000 российских пользователей должно проходить обязательную процедуру, включающую: 1) публичное уведомление правообладателя ресурса и возможность представить возражения, 2) независимую экономическую экспертизу последствий блокировки, 3) слушания в профильном комитете Государственной Думы, 4) публикацию аргументированного решения с возможностью обжалования в Верховном Суде.

Юридическая основа

Требование не противоречит действующему законодательству и, напротив, развивает заложенные в нём принципы. Конституция РФ (статья 29, часть 4) гарантирует право свободно искать, получать, передавать, производить и распространять информацию любым законным способом. Статья 55, часть 3, допускает ограничение этого права только федеральным законом и только в той мере, в какой это необходимо для защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц. Таким образом, Конституция уже требует пропорциональности ограничений — но не содержит процедуры её проверки. Требование 1 добавляет именно эту процедуру.

Механизм реализации — поправка в Федеральный закон № 149-ФЗ «Об информации», дополняющая статьи 15.1–15.8 обязательным этапом

парламентского рассмотрения для ресурсов с массовой аудиторией. Порог 100 000 пользователей выбран по аналогии с британской петиционной системой и с существующими порогами в российском законодательстве о СМИ (реестр блогеров — 3 000, реестр иностранных агентов с аудиторией в 500 000).

Почему это возможно

Парламентские слушания — действующий институт российской политической системы. Они регулярно проводятся по широкому спектру вопросов, включая международные, экономические и культурные темы. Введение обязательного слушания по конкретной категории решений не требует ни изменения Конституции, ни изменения Регламента Думы — достаточно федерального закона, регулирующего специфику этих слушаний (по аналогии с существующими процедурами для международных договоров или ратификации).

Предполагаемые возражения и ответы на них

«Это замедлит реакцию на угрозы безопасности». Возражение важное и заслуживает ответа. Процедура должна предусматривать ускоренный режим для случаев, когда доказана непосредственная угроза (распространение детской порнографии, терроризм, мошенничество) — с последующим обязательным ретроспективным рассмотрением в течение 30 дней. Это не исключение из правила, а его встроенный механизм.

«Массовые ресурсы могут нарушать закон безнаказанно». Нет: закон продолжает действовать, штрафы и другие меры остаются доступны. Меняется только процедура принятия самой радикальной меры — блокировки, — которая затрагивает миллионы пользователей и в демократических странах считается наиболее серьёзной санкцией, требующей наиболее строгой процедуры.

«Дума — не технический экспертный орган». Правильно — и именно поэтому процедура включает обязательную экономическую экспертизу (её выполняют Счётная палата, независимые эксперты, индустриальные ассоциации). Дума получает решения, подкреплённые экспертизой, и обсуждает их публично — это и есть парламентский контроль в современном понимании.

Что даёт это требование среднему классу

Прямо: предприниматель в Instagram получает возможность быть услышанным до того, как его бизнес будет уничтожен. Блогер с YouTube-аудиторией может представить свои аргументы перед тем, как его канал станет недоступен. Пользователь WhatsApp — увидит публичное обсуждение экономических последствий блокировки, а не узнать о ней по факту. Косвенно: создаётся культура, в которой каждое решение о цифровой инфраструктуре становится публичным вопросом, а не ведомственным распоряжением.

Требование 2. Публичный аудит расходов на цифровую инфраструктуру

Суть

Все государственные расходы на цифровую инфраструктуру национального значения (ТСПУ, системы блокировки, государственные мессенджеры, дата-центры, инфраструктура кибербезопасности) подлежат публикации в детализированном виде — с указанием поставщиков, сумм, целевых показателей и отчётности об их достижении. Счётная палата РФ проводит ежегодный аудит этих расходов с обязательной публикацией отчёта. Конфликты интересов (когда один поставщик получает контракты и на создание системы, и на её обход) подлежат расследованию Генеральной прокуратурой.

Юридическая основа

Федеральный закон № 41-ФЗ «О Счётной палате РФ» уже предусматривает полномочия по контролю за расходованием средств федерального бюджета. Статья 13 позволяет проводить проверки по любым вопросам, связанным с бюджетом. Требование 2 не создаёт новых полномочий — оно требует систематического применения существующих к конкретной сфере. Аналогично, Федеральный закон № 44-ФЗ о контрактной системе уже содержит требования к прозрачности закупок; проблема в том, что закупки ТСПУ и VPN массово проводятся через закрытые процедуры по основаниям «гостайны», которые не всегда выдерживают проверку.

Механизм реализации — поправка в ФЗ № 44, ограничивающая использование закрытых процедур для закупок цифровой инфраструктуры: все контракты в этой сфере, кроме прямо связанных с оборонной безопасностью, публикуются с раскрытием поставщика, суммы и технических требований. Одновременно — специализированные поправки в ФЗ № 41, закрепляющие за Счётной палатой обязанность ежегодного аудита расходов на цифровую инфраструктуру и публикации отчёта.

Что должно быть публично

- **Структура контрактов ТСПУ.** Список поставщиков, распределение объёма работ, сроки, целевые показатели. Сейчас это частично раскрывается через утечки и журналистские расследования — должно быть нормой.
- **Реестр госзакупок VPN.** По каким основаниям, для каких задач, в каком объёме. Не гостайна — обычная административная информация, которая в 2024 году составила 17,3 миллиарда рублей.
- **Отчётность по МАХ.** Реальные метрики использования (не регистрации, а DAU/MAU, время в приложении, retention), соотнесение с заявленными целями и бюджетом разработки.

- **Отчётность по национальным проектам в сфере ИИ и цифровой экономики.** Сколько выделено, на что потрачено, какие КРІ достигнуты — с независимой проверкой.

Почему это возможно

Прозрачность бюджетных расходов — это не новация. Она уже работает в России для большинства категорий государственных контрактов. Исключения в пользу закрытости для цифровой инфраструктуры объясняются исторически сложившейся практикой, а не объективными требованиями безопасности. Сравнительный опыт показывает, что страны, успешно развивающие цифровую экономику (США, Великобритания, Эстония, Сингапур, Южная Корея), публикуют намного больше деталей о своих расходах на цифровую инфраструктуру, чем Россия — и это повышает качество этих расходов, а не снижает.

Что даёт это требование среднему классу

Налогоплательщик получает право видеть, куда идут его деньги. Предприниматель получает возможность участвовать в тендерах на цифровую инфраструктуру — что сейчас для независимых игроков практически невозможно из-за закрытых процедур. Журналисты и экспертное сообщество получают базу для анализа, который позволит вовремя выявлять неэффективность и коррупцию. И главное — создаётся стимул для самих чиновников планировать расходы с учётом того, что они будут проверены публично.

Требование 3. Открытая стратегия цифрового развития

Суть

Приоритеты государственного финансирования цифровой экономики (развитие ИИ, цифровая инфраструктура, регулирование платформ, образование и кадры) определяются через открытую процедуру с обязательным участием индустрии, университетов и гражданского общества. Процедура опирается на цифровую платформу гражданских инициатив, построенную по образцу британского petition.parliament.uk и эстонского Rahvaalgatus.ee, с адаптацией под российские масштаб и специфику.

Юридическая основа

Федеральный конституционный закон № 2-ФКЗ «Об общественной палате РФ» и **Федеральный закон № 212-ФЗ «Об основах общественного контроля»** уже предусматривают механизмы общественного участия в выработке государственных решений. Проблема в том, что эти механизмы почти не применяются в цифровой сфере и носят рекомендательный характер. **Требование 3**

предусматривает: 1) создание специализированной цифровой платформы для подачи гражданских инициатив по вопросам цифровой политики; 2) обязательное рассмотрение инициатив, набравших определённый порог поддержки, с публичным ответом; 3) включение результатов платформы в процесс формирования бюджета и национальных проектов.

Предлагаемая структура платформы

Трёхуровневая процедура по образцу Великобритании с адаптацией: 10 000 подтверждённых подписей (через Госуслуги или электронную подпись) — обязательный письменный ответ ответственного ведомства; 100 000 подписей — обязательные публичные слушания в Государственной Думе или Общественной палате; 500 000 подписей — обязательное включение в повестку ежегодного послания Федеральному Собранию или в процесс формирования бюджета.

Технологическая основа — действующая инфраструктура Госуслуг с добавлением платформы инициатив. Разработка аналогичного британскому petition.parliament.uk функционала занимает около 6–9 месяцев при наличии политической воли — это соизмеримо с разработкой одного крупного государственного сервиса. Оператор платформы — Росстат или специализированное автономное учреждение при Общественной палате, с функциями проверки подлинности подписей и модерации инициатив.

Что не должно быть на платформе

Платформа не заменяет парламент, суды или выборы. На неё не выносятся вопросы, входящие в компетенцию президента (оборона, внешняя политика, назначения высших должностных лиц) или требующие конституционных процедур (изменение территориального устройства, порядок проведения выборов). Она работает именно там, где у государства есть пространство выбора в сфере регуляторной политики: цифровая экономика, технологические стандарты, регулирование платформ, приоритеты научных и инвестиционных программ.

Почему это возможно

Технологически платформа нетребовательна — аналоги работают в Великобритании (одной из крупнейших демократий G7), в Эстонии (стране ЕС), в Тайване (стране, постоянно находящейся под геополитическим давлением со стороны соседей). Ни в одной из этих стран платформы не привели ни к дестабилизации, ни к хаосу — напротив, они создали канал «выпуска пара», через который общественные запросы встречают институциональный ответ, а не превращаются в уличные протесты.

Политически это также возможно. Петиционные и инициативные платформы работают при правительствах разного политического спектра — от консерваторов Кэмерона до лейбористов Стармера в Великобритании, от центристских до

правоцентристских коалиций в Эстонии, от КМТ до ДПП на Тайване. Они не являются «либеральным инструментом» или «инструментом оппозиции» — они являются техническим решением задачи обратной связи, которое одинаково полезно любой власти, заинтересованной в качестве своих решений.

Что даёт это требование среднему классу

Индустрия получает канал, через который может влиять на регуляторные решения до их принятия. Специалисты по ИИ получают возможность публично высказаться о приоритетах государственных инвестиций в эту сферу. Предприниматели могут инициировать обсуждение регуляторных барьеров, с которыми они сталкиваются. Обычные граждане — получают возможность задавать вопросы по темам, которые касаются их напрямую: от школьного интернета до налогов на цифровые услуги. И, самое главное, возникает чувство, что их голос может быть услышан не только на избирательных участках раз в несколько лет.

Требование 3 — ключевое для решения проблемы эмиграции.

Люди возвращаются или остаются не тогда, когда им

обещают льготы, а тогда, когда видят

институциональный механизм, благодаря которому их

экспертиза и их мнение имеют значение в решениях о

будущем страны.

Общие условия реализации трёх требований

Последовательность важна. Наиболее реалистичный сценарий реформы — не одновременное принятие всех трёх требований, а постепенное их внедрение. Наиболее вероятная последовательность: сначала публичный аудит (требование 2) как наименее политически острое и формально опирающееся на уже существующие полномочия Счётной палаты; затем платформа инициатив (требование 3) как технологическое решение, которое сложно аргументированно отвергнуть при наличии прецедентов; затем парламентский контроль над блокировками (требование 1) как следствие созревшей культуры публичного обсуждения.

Горизонт реализации — 3–5 лет. Это не революционные изменения, но они требуют времени на законодательную работу, технологическую реализацию и изменение культуры. При этом первые эффекты (повышение качества решений, замедление эмиграции) могут проявиться уже через 12–18 месяцев после запуска хотя бы одного из требований.

Риски и ограничения. Любой институт может быть формально реализован, но имитирован по существу — это главный риск. Петиционная платформа без обязательной реакции превратится в симуляцию, как «Российская общественная инициатива» (РОИ), которая существует с 2013 года и почти не привела к реальным решениям. Предложенные три требования именно потому включают конкретные процедурные механизмы — обязательность слушаний, аудит Счётной палаты, публикацию ответов — чтобы минимизировать пространство для имитации.

Часть V. Что может сделать читатель прямо сейчас

Часть IV предложила институциональные реформы, реализация которых требует времени и политической воли. Эта часть обращена лично к читателю — вне зависимости от того, решил он остаться в России или уехать, голосует ли он на выборах, ведёт ли блог или просто живёт свою жизнь. Здесь речь не о героических поступках, а о тех действиях, каждое из которых требует минимальных усилий, но в сумме создаёт ту самую «критическую массу», без которой никакая реформа не состоится.

5.1. Для тех, кто остался

Информационная гигиена

Используйте VPN и криптографически защищённые каналы связи осознанно. Это не протест, это базовая профессиональная гигиена в любой стране с непредсказуемой цифровой политикой. Платите за качественные сервисы — бесплатные VPN часто небезопасны и могут собирать данные. Не используйте государственные мессенджеры без крайней необходимости. Для рабочих коммуникаций предпочитайте Signal, Telegram (до его возможной полной блокировки) или корпоративные решения с end-to-end шифрованием.

Диверсифицируйте цифровые активы. Не храните важные файлы только в одном облаке, только на одной платформе, только у одного провайдера. Настройте регулярные бэкапы в разных юрисдикциях. Если ваш бизнес зависит от соцсети, подумайте о собственном сайте как резервном канале.

Участие без политики

Подписывайте петиции по темам, которые вас касаются. Несмотря на слабость платформы РОИ, подписание петиции — не бессмысленный жест: чем выше активность россиян на существующих площадках, тем сильнее аргумент в пользу создания работающего механизма. Также — петиции на платформах change.org, Meduza, индустриальных ассоциаций (РАЭК, АРПП «Отечественный софт»).

Отправляйте запросы в органы власти. Статья 33 Конституции гарантирует право на обращение. Запрос на Госуслугах или через сайт ведомства получает обязательный ответ в 30-дневный срок. Не стесняйтесь задавать неудобные вопросы: почему заблокирован такой-то ресурс, как обосновываются такие-то расходы, какова

позиция ведомства по такому-то вопросу. Ответы формируют публичную статистику, на которую потом ссылаются СМИ и эксперты.

Участвуйте в общественных обсуждениях законопроектов. На сайте regulation.gov.ru публикуются проекты нормативных актов для общественных обсуждений. Цифровое регулирование регулярно проходит через эту процедуру. Даже короткий содержательный комментарий фиксируется в архиве и учитывается при доработке документа. Если таких комментариев много и они содержательны — ведомство вынуждено на них реагировать.

Экономические решения

Поддерживайте российские независимые медиа. Качественная журналистика на экономические и регуляторные темы — ключевой источник давления на принимающих решения. «Ведомости», «Коммерсант», РБК, The Bell (в части, доступной из России), Forbes — это экосистема, которая работает, пока у неё есть подписчики и рекламодатели. Личная подписка — это небольшие деньги, но важный сигнал рынку.

Сохраняйте российский бизнес, если у вас есть такой вариант. Плата за регистрацию ИП, налоги, трудовые отношения — это всё то, что удерживает экономику от дальнейшей деградации. Если вы можете позволить себе остаться российским налогоплательщиком — это имеет значение. Если не можете — оптимизируйте так, чтобы минимизировать ущерб и для себя, и для страны (релокация в дружественную юрисдикцию с сохранением контрактов — меньшее зло, чем теневой оборот).

5.2. Для тех, кто уехал

Россия как часть жизни, а не прошлое

Не обрывайте связи. Многие из уехавших психологически закрывают российскую главу жизни — продают активы, разрывают контакты, перестают следить за новостями. Это понятная реакция, но она имеет цену: уехавшие становятся невидимы для тех, кто остался. Между тем именно наличие диаспоры и её голос — один из факторов, способствующих институциональным изменениям в ряде стран (вспомните польскую диаспору 1980-х или ирландскую 1970–1980-х).

Продолжайте быть русским налогоплательщиком в тех элементах, где это возможно и безопасно. Если у вас есть российский банковский счёт и он стабильно работает — не закрывайте его преждевременно. Если вы владеете долей в российской компании — взвесьте издержки выхода не только с точки зрения безопасности, но и с точки зрения связи с родиной.

Экспертиза и контакты

Делитесь профессиональной экспертизой. Российские университеты испытывают нехватку преподавателей по современным технологиям — проведите онлайн-лекцию, менторьте студентов через LinkedIn, делайте публичные разборы проектов. Это не требует политической позиции, это обычная профессиональная деятельность, которая при этом поддерживает человеческий капитал страны.

Формируйте профессиональные сообщества. Российские ИТ-специалисты в Сербии, Армении, Грузии, Кипре, ОАЭ, Германии и США уже создают локальные профессиональные сообщества. Эти сообщества — не параллельный мир, а продолжение российского рынка в другой географии. Чем они активнее, тем больше шансов, что их экспертиза сохранит связь с реальными проблемами и потребностями российских компаний.

5.3. Для предпринимателей и публичных профессионалов

Публично фиксируйте ущерб. Если блокировка конкретного сервиса повлияла на ваш бизнес — расскажите об этом. Не в формате политического протеста, а в формате отраслевого кейса: что было, что стало, в каких цифрах. Такие кейсы — топливо для журналистов, аналитиков и экспертных дискуссий, которые в итоге формируют институциональные решения.

Участвуйте в отраслевых ассоциациях. РАЭК (Российская ассоциация электронных коммуникаций), АРПП «Отечественный софт», Ассоциация менеджеров, Российский союз промышленников и предпринимателей — эти структуры имеют реальный доступ к регулятору и участвуют в обсуждении законопроектов. Их эффективность зависит от активности членов. Одна телеграм-группа с 500 предпринимателями, которые систематически обсуждают регуляторные проблемы, может влиять на принимаемые решения.

Судитесь, когда это разумно. Российская судебная система неидеальна, но она работает в ряде категорий дел, особенно в арбитраже. Иски о защите деловой репутации, о признании незаконными решений о блокировках конкретных ресурсов, о компенсации ущерба от необоснованных регуляторных решений — это все реальные механизмы, которыми пользуются зарубежные компании и которые доступны российским бизнесам. Прецеденты, созданные этими делами, формируют судебную практику.

5.4. О петиции проекта «Свободный Интернет»

Подписывайте. Петиция — это не магический инструмент, и подпись под ней не изменит ситуацию мгновенно. Но 100 тысяч подписей — это количественный

аргумент, который в любой стране невозможно игнорировать, и у российских властей нет опыта работы с настолько структурированными институциональными требованиями. Петиция с тремя конкретными требованиями реформы — намного сильнее, чем десять петиций «отменить всё».

Распространяйте. Главный ресурс петиции — её видимость. Перешлите ссылку пяти людям, которых считаете близкими и чьё мнение цените. Не всем — только тем, для кого тема важна. Точечное распространение работает лучше массовых рассылок.

Делитесь экспертизой. Если вы юрист — комментируйте юридическую проработку требований. Если вы экономист — оценивайте цифры. Если вы работаете в индустрии — добавляйте отраслевой контекст. Петиция живёт не только подписями, но и публичной дискуссией вокруг неё. Чем она содержательнее, тем сложнее власти отмахнуться от неё как от «эмоционального протеста».

5.5. И самое главное

Изменение закрытых систем не происходит через героические поступки. Оно происходит через медленное накопление мелких действий, каждое из которых отдельно кажется бессмысленным. Каждая подпись, каждый запрос, каждый комментарий, каждая публикация, каждый обсуждённый кейс — это капля. Капли становятся потоком, а поток меняет рельеф.

Эта логика работает везде. Эстонская цифровая демократия не появилась одномоментно — её строили 25 лет, от первых законов 2000 года до современной платформы Rahvaalgatus.ee. Тайваньский vTaiwan вырос из протестов 2014 года через несколько этапов: сначала гражданские активисты, потом министерство, потом законодательные процедуры, потом реальные результаты. Британская петиционная система трижды меняла дизайн за 20 лет, прежде чем заработала в нынешнем формате. Нигде работающий механизм не возникал сразу.

Россия не исключение. Страна с огромным образованным средним классом, с развитой цифровой инфраструктурой, с миллионами активных предпринимателей и профессионалов не может не иметь работающего механизма общественного контроля над цифровой политикой. Вопрос только в том, когда и какой ценой этот механизм возникнет. Наша задача как общества — снизить эту цену и ускорить появление этого механизма.

Заключение

Четыре года после начала активной фазы цифровой изоляции картина, которую мы наблюдаем, сложилась в устойчивую структуру. Блокировки не снимаются, а расширяются. Государственные расходы на ограничения растут быстрее, чем инвестиции в развитие. Средний класс продолжает уезжать. Технологическое отставание увеличивается. Поддержка блокировок в обществе, по данным Левада-Центра на март 2026 года, впервые за многие годы упала ниже 50% — но эта динамика сама по себе ничего не меняет, потому что институционального канала, через который она могла бы превратиться в политическое решение, не существует.

Главный вывод доклада: цифровая изоляция России — это не проблема интернета. Это проблема управления. Блокировки — симптом закрытой системы принятия решений, в которой экспертиза не обязательна, публичная дискуссия не предусмотрена, а экономические последствия не просчитываются. Эта закрытая система производит плохие решения во всех смежных областях — от технологической политики до эмиграционных потоков. И пока она закрыта, качество решений будет только ухудшаться, а цена этих решений — возрастать.

Реформа возможна. Не революционная, не «импорт западной модели», не смена режима. Реформа в объёме трёх процедурных требований: парламентский контроль над блокировками, публичный аудит цифровых расходов, платформа гражданских инициатив. Эти три механизма существуют в рабочем виде в странах с разными политическими системами. Они не требуют конституционных изменений. Они не являются «либеральными» или «оппозиционными» — они являются технологическими решениями задачи обратной связи между государством и обществом, и в любой стране, которая их внедряет, они повышают качество управления.

Что это значит для среднего класса. Средний класс не может исправить закрытую систему волевым усилием. Но он может создать для неё давление — количественное, через 100 тысяч подписей под петицией; качественное, через публикации и экспертизу; институциональное, через суды и общественные обсуждения; экономическое, через сохранение или потерю налоговой базы. Именно эта совокупность давления создаёт институциональные изменения. Не протесты, не манифесты, не революции — а постоянный, спокойный, профессиональный запрос на другое качество управления.

Что это значит для читателя лично. Выбор остаться или уехать — это его частное решение, и ни один аналитический доклад не имеет права его определять. Но то, каким именно способом он останется или уедет, имеет значение не только для него, но и для всех остальных. Оставшийся налогоплательщик, который поддерживает независимые медиа, участвует в общественных обсуждениях и сохраняет связь с профессиональным сообществом, — делает страну сильнее. Уехавший специалист, который не обрывает связи, делится экспертизой и не отворачивается от происходящего, — тоже делает страну сильнее. А тот, кто независимо от географии подписывает петицию и поддерживает институциональные требования — делает её намного сильнее, чем думает.

Цена закрытой системы уже заплачена — и будет платиться впредь, пока не изменится процедура. Но платим её мы все, а меняют процедуру только те, кто её требует. Этот доклад — запрос на другое качество управления. Он не обращён ни к кому конкретно. Он станет эффективным только в той мере, в какой его требования будут поддержаны средним классом.

Источники и методология

Методология

Доклад опирается исключительно на открытые, проверяемые источники. Цифры приводятся со ссылками на первоисточники. Валютные эквиваленты рассчитаны по среднегодовым курсам Центрального банка РФ. Оценки экономического ущерба от блокировок даны по методологии NetBlocks / Top10VPN (часы ограничений × количество затронутых пользователей × средний вклад в ВВП), принятой рядом международных исследовательских организаций.

Данные о госзакупках верифицированы через публичный реестр Единой информационной системы zakupki.gov.ru. Данные о бюджете — через материалы Минфина РФ, Счётной палаты, профильных законопроектов. Социологические данные — через опубликованные отчёты ВЦИОМ, Левада-Центра, OK Russians. Аудиторные метрики — через Mediascope и операторов связи. Методология воспроизводима: любой читатель с доступом к открытым источникам может повторить расчёты.

Ограничения доклада. Часть данных о закрытых закупках, внутренних оценках эффективности государственных проектов и реальных метриках использования государственных платформ получена из источников журналистских расследований, которые невозможно подтвердить через первичные документы. Такие данные приводятся с явным указанием источника и не используются как единственное обоснование каких-либо выводов. Все основные выводы доклада опираются на публичные документы, официальную статистику и верифицированные отчёты.

Основные источники

Государственная статистика и официальные источники

- Росстат (Федеральная служба государственной статистики) — демографическая статистика, миграционные показатели.
- Минцифры РФ — проекты бюджета, национальные проекты «Экономика данных», отчёты о реализации.
- Счётная палата РФ — аудиты бюджетных расходов.
- Единая информационная система закупок (zakupki.gov.ru) — реестр государственных контрактов.
- Банк России — макроэкономическая статистика, валютные курсы.
- Роскомнадзор — публичные данные о блокировках и реестрах.

Международные исследовательские организации

- Stanford AI Index Report 2025 и 2026 — инвестиции в ИИ по странам.
- TOP500 — рейтинг суперкомпьютеров.
- NetBlocks / Top10VPN — методология и оценки ущерба от интернет-ограничений.
- World Population Prospects 2024 (UN Department of Economic and Social Affairs) — демографические показатели и миграция.
- OECD — сравнительная статистика по цифровой экономике.
- Chatham House — аналитика по цифровой политике России (март 2026).

Российские СМИ и промышленные источники

- «Коммерсант» — бизнес-журналистика, отчётность компаний, государственные закупки.
- РБК — экономическая и промышленная тематика.
- Forbes Россия — бизнес-журналистика и расследования.
- «Ведомости» — деловая журналистика.
- TAdviser — отраслевая аналитика по ИТ-рынку.
- CNews — ИТ-новости и аналитика.
- «Контур.Закупки» — анализ государственных закупок.

Независимые медиа и расследования

- Meduza — расследования, в том числе по использованию VPN госорганами.
- «Вёрстка» — внутренние оценки эффективности государственных цифровых проектов.
- The Bell — аналитика по макроэкономике и технологиям.
- «Новая газета Европа» — цифровая политика России.
- «Ботнадзор» — анализ манипуляций с рейтингами в магазинах приложений.

Социология и опросы

- Левада-Центр — отношение к блокировкам (октябрь 2025, март 2026), использование VPN.
- ВЦИОМ — опросы об интернет-политике.
- OK Russians — портрет эмиграции 2022 года.
- OutRush–РАНХиГС — оценка оттока ИТ-профессионалов.
- Sensor Tower — активная база VPN-приложений.

- Mediascope — аудитория цифровых платформ.

Международные прецеденты

- petition.parliament.uk — официальная платформа петиций Великобритании.
- e-Estonia, e-Governance Academy, Estonian Cooperation Assembly — материалы об эстонской модели.
- vTaiwan.tw, Nesta, Harvard ViGS — материалы о тайваньской модели.
- Википедия — справочная информация с обязательной проверкой по первоисточникам.

Обратная связь

Доклад открыт для критики, уточнений и дополнений. Если вы обнаружили фактическую ошибку, имеете ссылку на более свежие данные или хотите предложить экспертное дополнение — обратитесь к команде проекта «Свободный Интернет». Следующая версия доклада запланирована на четвёртый квартал 2026 года с учётом обратной связи и актуализации данных.

Доклад «Диагноз закрытой системы». Версия 1.0, апрель 2026. Проект «Свободный Интернет». Независимое исследование на открытых данных. Распространение свободное.